

В.П. Мещеряков

Татьяна Ларина

Ларина Татьяна — героиня романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», старшая сестра Ольги. В отличие от, нее Татьяна не привлекательна ни красотой, ни «свежестью румяной».

Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела
И часто целый день одна
Сидела молча у окна.

В ней было что-то романтическое (недаром Ленский сравнивает ее со Светланой Жуковской).

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход...
Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.

Ее образ мыслей и поведение не сопрягаются с патриархальным бытом семьи. Мать Татьяны хотя и была в свое время «от Ричардсона без ума» (правда, не удосужилась прочитать книгу), но только потому, что ее московская кузина нахваливала английского писателя.

Мечтательная «чужеродность» Татьяны в родном доме еще резче выявляется при сопоставлении с матерью. Ларина вышла замуж без любви и поначалу в мужниной деревне «рвалась и плакала», но затем без особых страданий превратилась в образцовую хозяйку, «самодержавно» управляющую супругом. Она «езжала по работам, / Солила на зиму грибы, / Вела расходы, брила лбы, / Ходила в баню по субботам», войдя в лета, «стала звать Акулькой прежнюю Селину / И обновила наконец / На вате шлафор и чепец». Муж охотно передоверил ей все дела и заботы, а сам «в халате ел и пил», пока не «умер в час перед обедом».

Как ни далека Татьяна от повседневности, семейная атмосфера все же наложила на нее определенный отпечаток.

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму...
И мглу крещенских вечеров.
По старине торжествовали
В их доме эти вечера...

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны.
Ее тревожили приметы;
Таинственно ей все предметы

Провозглашали что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь.

Первое же появление Онегина у Лариных произвело на всех сильное впечатление, на Татьяну особенно. «Пора пришла, она влюбилась».

Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась... Открылись очи;
Она сказала: это он!

Все помыслы Татьяны отныне сосредоточены на Онегине. Она с трудом переносит гостей, даже ласковые речи прислуги «докучны ей». Только в книгах находит она созвучие волновавшим ее чувствам.

Любовник Юлии Вольмар,
Малек-Адель и де Линар,
И Вертер, мученик мятежный,
И бесподобный Грандисон,
Который нам наводит сон, —
Все для мечтательницы нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились.

Героиней романа Татьяна воображает и себя. «Тоска любви» одолевает ее, и ночью, стремясь хоть с кем-то поделиться своими переживаниями, она затевает разговор со старой няней. Татьяна хочет узнать у старушки, была ли она влюблена в молодости. Но Татьяна плохо слушает прозаический рассказ няни, ей самой необходимо высказать то, что лежит на душе.

«Ах, няня, няня, я тоскую,
Мне тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!..
<...>
...Я не больна:
Я... знаешь, няня... влюблена».

Не в силах более выносить переполняющую ее тяжесть, Татьяна изливает свои чувства в письме к Онегину. Письмо Татьяны исполнено нежности, это «безумный сердца разговор, / И увлекательный и вредный»:

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.

Вначале, повинувшись благоразумию, Татьяна хотела молчать и промолчала бы, если бы у нее была надежда хоть раз в неделю видеть Онегина, чтобы только перемолвиться с ним словом «и потом / Все думать, думать об одном / И день и ночь до новой встречи».

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на свете
 Не отдала бы сердца я!
 То в вышнем суждено совете...
 То воля неба: я твоя;
 Вся жизнь моя была залогом
 Свиданья верного с тобой...
 <..>

Кто ты, мой ангел ли хранитель,
 Или коварный искуситель:
 Мои сомненья разреши.

Доверяя свою судьбу Онегину, Татьяна умоляет его о снисхождении и незаметно переходит с официального «Вы» на «ты» — невольное следование литературным образцам, в изобилии поглощаемым ею.

Вообрази: я здесь одна,
 Никто меня не понимает,
 Рассудок мой изнемогает,
 И молча гибнуть я должна.
 Кончаю! Страшно перечесть...
 Стыдом и страхом замираю...
 Но мне порукой ваша честь,
 И смело ей себя вверяю...

То, что Татьяна без ведома матери вступает в переписку с малознакомым молодым человеком и первая признается ему в любви, делает ее поступок совершенно невозможным с точки зрения светских приличий. Стоило Онегину предать огласке письмо Татьяны, и ее репутация была бы навсегда уничтожена.

Тайно отправив с внуком няни письмо, Татьяна с нетерпением и волнением двое суток ждет ответа. Вечером третьего дня она, задумавшись, на затуманенном оконном стекле чертит «заветный вензель О да Е».

Когда же наконец Онегин появляется у Лариных, Татьяна сбежала в сад. Ей пришлось долго ждать, она успела выслушать песню крестьянских девушек, занятых сбором малины в барском саду.

Песня эта отвечает переживаниям героини («Заманите молодца / К хороводу нашему...»), но взволнованная Татьяна внимает ей «с небрежением». Ее помыслы направлены на свои переживания.

Татьяна уже собирается вернуться домой, как вдруг видит перед собой Онегина, который «стоит подобно грозной тени».

Отповедь, прочитанную ей Онегиным, Татьяна выслушала, «сквозь слез не видя ничего, / Едва дыша, без возражений».

После этой встречи Татьяна потеряла покой и сон. «Здоровье, жизни цвет и сладость, / Улыбка, девственный покой, / Пропало все...»

...Татьяна увядает,
 Бледнеет, гаснет и молчит!

Так прошла осень, наступили святки. Татьяна вместе с другими девицами гадала на воске. Собиралась она и ворожить ночью в бане при зеркалах, подобно Светлане Жуковского, но не сумела преодолеть суеверного страха.

Татьяна видит сон. Она идет по снежной поляне. Дорогу ей преграждает кипучий поток. Девушка не решается преодолеть препятствие. Вдруг из сугроба вылезает большой взъерошенный медведь и протягивает ей лапу, помогая перейти через ручей.

Медведь, как косматый лакей, сопровождает Татьяну и далее. Девушка боится и стыдится своего спутника. «Она бежит, он все вослед, / И сил уже бежать ей нет».

Наконец она падает в снег, медведь проворно подхватывает ее и несет по лесной дороге. Впереди в «шалаше убогом» ярко светится окошко, из-за дверей доносится гул и шум.

Медведь вступает в сени и кладет Татьяну на пороге. Опомившись, она смотрит в щелку меж дверями.

И что же видит?.. за столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.
Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ!

Среди этой нечисти Татьяна видит сидящего за столом Онегина.

Он знак подаст — и все хлопочут;
Он пьет — все пьют и все кричат;
Он засмеется — все хохочут;
Нахмурит брови — все молчат;
Он там хозяин, это ясно...

Татьяна хочет бежать, но у нее нет сил.

...дверь толкнул Евгений:
И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыты, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Всё указывает на нее,
И все кричат: мое! мое!

Мое! — сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг;
Осталась во тьме морозной
Младая дева с ним сам-друг;
Онегин тихо увлекает
Татьяну в угол и слагает
Ее на шаткую скамью
И клонит голову свою
К ней на плечо; вдруг Ольга входит,
За нею Ленский; свет блеснул;
Онегин руку замахнул,
И дико он очами бродит,
И незваных гостей бранит;
Татьяна чуть жива лежит.

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повержен Ленский; страшно тени
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня в ужасе проснулась...

Татьяна пытается разгадать значение своего сна по толкователю снов Мартына Задеки, но ничего связного в книге не обнаруживает.

Дней несколько она потом
Все беспокоилась о том.

На именинах Татьяны Онегина, явившегося с опозданием, сажают против виновницы торжества.

И, утренней луны бледней
И трепетней гонимой лани,
Она темнеющих очей
Не подымает: пышет бурно
В ней страстный жар; ей душно, дурно;
Она приветствий двух друзей
Не слышит, слезы из очей
Хотят уж капать; уж готова
Бедняжка в обморок упасть...

В смятении и смущении сидит Татьяна за праздничным столом, и, по всей видимости, ее состояние заметил бы не один Онегин, но внимание гостей, к счастью для именинницы, устремлено на кушанья и вина.

Гости снова принимаются поздравлять Татьяну. Онегин вместо приветствия «молча поклонился ей», причем во взгляде его была заметна нежность, и это на время оживило Татьяну.

Текут недели и месяцы, вот уже и весна наступила. Старушка Ларина, обливаясь слезами, проводила младшую дочь, которая уехала с мужем по месту его службы. Татьяна хотя и не проронила слез, но долго-долго глядела вслед удалявшейся карете. Теперь она остается совсем одна, даже словом перемолвиться ей не с кем.

Как тень она без цели бродит,
То смотрит в опустелый сад...
Нигде, ни в чем ей нет отрад,
И облегченья не находит
Она подавленным слезам, —
И сердце рвется пополам.

И в одиночестве жестоком
Сильнее страсть ее горит,
И об Онегине далеко
Ей сердце громче говорит...

Казалось бы, Татьяна должна ненавидеть Онегина как «убийцу брата своего», но она не испытывает к нему ни ненависти, ни даже неприязни. Никто уже не помнит о бедном поэте, убеждает себя Татьяна. «О нем два сердца, может быть, / Еще грустят...»

В один из летних вечеров, прогуливаясь по полю, Татьяна случайно забрела в усадьбу Онегина, давно покинутую хозяином. По просьбе Татьяны старая служанка показывает ей внутреннее убранство дома.

Все в комнатах Татьяне «кажется бесценным, / Все душу томную живит». Татьяна договаривается с ключницей, что будет приходить и читать книги, оставленные барином («...показался выбор их / Ей странен»).

Она старается понять каждую помету, которую Онегин оставил на полях или в тексте, — «Везде Онегина душа / Себя невольно выражает / То кратким словом, то крестом, / То вопросительным крючком».

И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава Богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,

Ничтожный призрак, иль еще
 Москвич в Гарольдовом плаще,
 Чужих причуд истолкованье,
 Слов модных полный лексикон?..
 Уж не пародия ли он?

Ужель загадку разрешила?
 Ужели слово найдено?

Меж тем мать Татьяны, видя ее постоянную грусть, решает выдать дочь замуж. Ларины собираются «в Москву, на ярманку невест».

Татьяну страшит появление в свете, где она, провинциалка, будет привлекать насмешливые взгляды. «О страх! нет лучше и верней / В глуши лесов остаться ей».

Прощаясь с милыми, такими привычными местами, Татьяна совершает далекие прогулки по окрестностям.

Прости, веселая природа;
 Меняю милый, тихий свет
 На шум блистательных сует...
 Прости ж и ты, моя свобода!
 Куда, зачем стремлюся я?
 Что мне сулит судьба моя?

По зимнему тракту семь суток добирались Ларины до Москвы. Наконец, утомленные дальней дорогой, они остановились у старой больной тетки, с которой мать тотчас пустилась вспоминать друзей молодости. Татьяне же «нехорошо на новоселье». Вместо родных просторов в окно она видит лишь «конюшню, кухню и забор».

Каждый день Татьяну вывозят к родне, которая встречает ее ласково и вспоминает о временах, когда маленькую Таню еще носили на руках.

Сверстницы Татьяны ее «находят что-то странной, / Провинциальной и жеманной, / И что-то бледной и худой, / А впрочем очень недурной», тут же начинают поверять ей свои сердечные тайны, стремясь и от нее получить «сердечное признание».

Но Таня точно как во сне,
 Их речи слышит без участия,
 Не понимает ничего,
 И тайну сердца своего,
 Заветный клад и слез и счастья,
 Хранит безмолвно между тем
 И им не делится ни с кем.

Совершенно не занимают Татьяну и светские бесцветные разговоры, и сплетни, и вести, в которых нет ни единого проблеска мысли. В свою очередь и светские молодые люди глядят на Татьяну чопорно и «про нее между собою / Неблагодарно говорят».

Между двух теток у колонны,
 Не замечается никем,
 Татьяна смотрит и не видит,
 Волнение света ненавидит;
 Ей душно здесь...
 Так мысль ее далече бродит:
 Забыт и свет и шумный бал,
 А глаз меж тем с нее не сводит
 Какой-то важный генерал.

Вновь перед читателем Татьяна предстает уже в облике светской дамы, сопровождаемой тем самым генералом — он явно гордится своей супругой.

Она была нетороплива,
 Не холодна, не говорлива,
 Без взора наглого для всех,
 Без притязаний на успех,

Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Du comme il faut...¹

Теперь уже в лучшем обществе ей кланяются первыми, мужчины ловят ее взгляд, а женщины стараются держаться поближе к Татьяне. Когда муж представил Татьяну Онегину, она была сильно удивлена его появлением, но внешне ничем не проявила своих чувств («У ней и бровь не шевельнулась; / Не сжала даже губ она»).

На страстные послания Онегина Татьяна не отвечает. При случайной встрече Онегин видит совершенно спокойную и холодную женщину.

Вперил Онегин зоркий взгляд:
Где, где смятенье, состраданье?
Где пятна слез?... Их нет, их нет!
На сем лице лишь гнева след...

Онегин решается внезапно нагрянуть к Татьяне в неурочное время и застаёт ее в слезах за чтением какого-то письма. «В тоске безумных сожалений / К ее ногам упал Евгений». Не поднимая его, Татьяна не убрала руки от «жадных уст».

После долгого молчания Татьяна заговорила. Она напомнила тот час, когда ей смиренно пришлось выслушать онегинскую отповедь. Сегодня они поменялись местами.

Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила вас; и что же?
Что в сердце вашем я нашла?
Какой ответ? одну суровость.
Не правда ль? Вам была не новость
Смирненной девочки любовь?
< ..>
Но вас
Я не виню: в тот страшный час
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

Тогда, продолжает Татьяна, «я вам не нравилась», почему же сегодня все изменилось? Не потому ли, что теперь я светская дама, не потому ли, что теперь победа могла бы принести вам в обществе «соблазнительную честь»?

Я плачу... если вашей Тани
Вы не забыли до сих пор,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгий разговор,
Когда б в моей лишь было власти,
Я предпочла б обидной страсти
И этим письмам и слезам.
< ...>
Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада

¹ Благородства (*фр.*)

Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...

А счастье было так возможно,
Так близко!.. Но судьба моя
Уж решена. Неосторожно,
Быть может, поступила я:
Меня с слезами заклинаний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны...
Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна.